



УДК 930.85+908:7.04

Чудотворные образы Даурии XVII – начала XVIII в. (к истории Нерчинской Успенской церкви)

Е. С. Бушуева

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск*

Аннотация. Статья приурочена к знаменательной дате – 365-летию основания острога Албазина. Для последующего военного удержания новых земель и их хозяйственного освоения поселенцы обращались за духовной поддержкой к старинным чудотворным иконам, опаленным героической славой первых защитников Албазина. Среди плеяды казачьих святынь XVII–XVIII вв., просиявших в Даурской Земле, – Албазинской Богородицы и Нерукотворного Спаса из Спасского мужского монастыря, Казанской Богородицы, особое место занимает икона Успения Пресвятой Богородицы Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря. Все перечисленные иконы ассоциируются с религиозно-идеологическим символом российского присутствия на территории древней Даурии – Забайкалья и Приамурья. Рассматривается малоизученный сретенский период истории иконы Албазинской Божьей Матери, под покровом которого она находилась около 330 лет.

Ключевые слова: чудотворные иконы древней Даурии, сибирские святыни, казаки-землепроходцы, священноинок Гермоген, преосвященный Парфений (Попов), архиепископ Иркутский и Нерчинский; преосвященный Вениамин (Благонравов), епископ Камчатский; Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский.

В XVII–XVIII вв. в Восточной Сибири широким почитанием пользовались шесть чудотворных образов, среди которых иркутская икона Казанской Божьей Матери, икона Николая Мирликийского Чудотворца, найденная на острове Котокель. Помимо упомянутых икон, среди плеяды казачьих святынь XVII–XVIII вв., просиявших в Даурской Земле, широкую известность получили чудотворные образы из Албазинского Спасского мужского монастыря – «Слово плоть бысть» и Нерукотворного Спаса, а также икона Казанской Божьей Матери острожной церкви героического Албазина. К звездам первой величины относилась и храмовая икона Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря.

Нерчинское воеводство в начале XVIII в. владело тремя из вышеперечисленных почитаемых в народе чудотворных образов, два из которых – Албазинской Божьей Матери и Казанской Божьей Матери – были принесены из Албазина.

Цель статьи – проследить историю Албазинской иконы Божьей Матери, кратко осветить малоизвестный период ее пребывания в Сретенском приходе, под покровом которого она находилась около 330 лет, уточнить дату ее возвращения в Приамурье.

Наступивший 2016 г. знаменателен своими юбилеями – 365-летием с момента основания казаками под предводительством атамана Хабарова самого южного русского форпоста – Албазинского острога и 350-летием возведения небольшой обители в урочище Брусяной Камень под Албазином, где первоначально пребывала почитаемая всеми церковная святыня – чудотворная икона Албазинской Божьей Матери канона Знамения, впоследствии перенесенная в Спасский мужской монастырь.

Отличительной особенностью Албазинской иконы стало изображение фигуры Младенца-Христа как вочеловеченного в живой плоти божественного Слова-Логоса, определившее ей иное название – «Слово плоть бысть». Изначально божественное предназначение данной иконы заключалось в духовном покровительстве православным поселенцам отдаленных восточных острогов и защите их от вражеских нападений. Поэтому ее судьба неразрывно связана с драматическими военно-политическими событиями, развернувшимися на Амуре и Шилке в конце XVII в. История освоения земель Даурии – Забайкалья и Приамурья, изобилующая примерами мужества и героизма простых русских людей, волей судьбы заброшенных в суровый край, расширила смысловые границы восприятия образа Албазинской Богородицы. Теперь, помимо общехристианского богословского значения, чудотворный образ приобрел идеологическое звучание, ассоциируемое со Всевышним покровительством российскому Дальнему Востоку, ключом к которому всегда являлось Забайкалье.

Обращаясь к истории, вспомним, что в начале XVII в. русские казаки, преодолевая лишения и трудности, шли вперед к берегам Тихого океана, открывая все новые и новые земли. На пути их следования вырастали русские поселения, сооружались первые форпосты на юго-восточных рубежах, возводились часовни, церкви, монастыри. К середине XVII в. силами небольших отрядов казаков-землепроходцев была проведена «хлебная река» Амур, обложены ясаком и приведены в русское подданство местные племена дауров и дючеров, поставлен ряд острогов, среди которых был и Албазинский (1650–1651 гг.) [1, с. 165].

Албазинская крепость, основанная на месте небольшого городка даурского князя Албазы, имела стратегически выгодное местоположение, позволяющее ей контролировать колоссальную территорию Даурии, включающую современные территории Забайкалья и Приамурья. Осознав всю опасность приближения русских казаков к границам Китайской империи, маньчжуры приняли срочные меры по захвату этих же территорий. В результате чего крепость не раз осаждалась цинскими войсками, но безуспешно. Лишь в 1658 г. маньчжурской армии, превосходящей численно, удалось захватить и сжечь русский деревянный острог. Однако через восемь лет (в 1665–1666 гг.) сюда вновь пришел большой казачий отряд во главе с Никифором Черниговским, основной костяк которого составляли выходцы из Пскова и Кириенска [1, с. 169]. Пришедшие казаки восстановили разрушенный и выжженный Албазин, превратив его в надежно укрепленный военный и административный пункт Приамурья [1, с. 165; 5]. Жизнь в остроге стала возрождаться. Немалая заслуга в духовном воскрешении восстающего из пепла Албазина принадле-

жала стараниям священноинока Гермогена. Он, основатель Киренского Свято-Троицкого монастыря, пришел вместе с отрядом Черниговского и принес с собой благословенную защиту жителям этого края – чудотворную икону «Слово плоть бысть», называемую с тех пор Албазинской [4, с. 37].

Первое время икона помещалась в небольшой обители, расположенной в полутора километрах от Албазина в урочище Брусяной Камень. Чуть позже, в 1671 г., по завершении строительства мужского монастыря во имя Всемилоственного Спаса (в 4 км от острога), Гермоген перенес святыню туда, под защиту монастырских стен. Здесь, под сводами монастыря, произошла историческая встреча двух сибирских чудотворных икон – Албазинской Богородицы и местнотимого образа Нерукотворного Спаса, которая по воли судьбы повторится лишь спустя 200 лет в пути к одноименной казачьей станице Албазину.

Тем временем две глубоко чтимые в народе иконы Спасского монастыря простирали свою божественную защиту над русскими поселениями на Амуре. В ежедневно возносимой молитве к Албазинской Божьей Матери звучали такие слова: «да явиши покров Твой и заступление стране Приамурской». Благодаря небесному покровительству Богородицы и самоотверженному труду казаков и крестьян, Албазин стал крупным земледельческим и хозяйственным центром, житницей всей Даурской Земли. Но мирная жизнь русских поселенцев продлилась недолго. Короткая передышка, длящаяся без малого 15 лет, была прервана в 1685 г., когда к пограничной крепости вновь подошли полчища маньчжуров. Согласно сохранившимся историческим документам, «войска Каннси под командованием Лантаня пришли со стороны реки на 100 бусах по 50–30 человек на каждом, а с суши подступила конница “с тысячу человек”, а пушек полковых 100, да ломовых больших 40». По подсчетам историков, Албазин окружила 15-тысячная армия неприятеля, в которой были и переодетые иностранцы, умеющие обращаться с огнестрельным оружием. Однако, несмотря на внушительное превосходство противника, 450 албазинских казаков «с 3 пушками и 4 ядрами» бесстрашно вступили в бой. Враги трижды осаждали Албазин, но тщетно. Казаки не только отражали приступы маньчжуров, но и отвечали ночными вылазками, наводящими на врага панический ужас. Цинны, осознавая безрезультатность осады, подожгли острог. В дыму и огне гибли мирные люди – женщины, старики, дети – крестьяне окрестных селений, нашедшие убежище за крепостными стенами. В этой трагической ситуации воевода Алексей Толбузин смог защитить русских людей и добиться согласия маньчжуров на пропуск их в Нерчинск. «...Босые, раздетые и голодные, питаясь травой и кореньями», албазинцы шли к Нерчинску, захватив с собой самое ценное [1].

Среди пришедших был и старец Гермоген. Возвращаясь в Киренский Троицкий монастырь, основанный им ранее, он оставил прославленную героизмом защитников чудотворную икону Албазинской Богородицы в Сретенске, взяв с собой в монастырь лишь образ Нерукотворного Спаса [4, с. 37]. Чудесное спасение албазинцев связывают не только с особенностями вероломной политики Цинов, но и с проявлением божественного покровительства иконы Албазинской Богородицы, ее отклика на отчаянные мольбы православ-

ных жителей острога. Другим проявлением заступничества за избранный ею «град» стало оставление маньчжурами вызревшего хлеба на полях окрест сожженного острога, которого потом хватило не на одну зимовку. До сих пор ученые не могут объяснить причину внезапного отступления китайских войск от Албазина, да к тому же столь стремительную, что даже не успели выполнить приказ богдыхана об уничтожении урожая хлеба на русских полях [1].

Почти 330 лет назад святыня Приамурья икона «Слово плоть бысть» попала в приход Сретенской церкви, где и хранилась до 1868 г. Именно Сретенский период в судьбе чудотворной иконы мало изучен и содержит неточные сведения. Так, согласно А. Р. Артемьеву, икона находилась в Сретенске до 1854 г., т. е. «до момента, когда ею 14 мая благословили в путь экспедицию по Амуру во главе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым» [1]. Да, действительно, чудотворной святыней благословляли эту экспедицию, но жители Сретенска не отдали ее, а вернули обратно в церковный приход. Существует и другая версия, по которой икона Албазинской Богородицы была взята епископом Иннокентием в 1860 г. и перевезена им в Благовещенск.

В канун праздничного чествования чудотворной иконы Албазинской Божьей Матери хотелось бы исправить ошибочные суждения. В фондах Государственного архива Забайкальского края были найдены документы, из текста которых следует, что 1868 г. для жителей Сретенска был одним из самых ярких и запоминающихся [2; 3, с. 4]. Маленький приграничный городок посетили сразу два архиерея Русской православной церкви – митрополит Иннокентий (Иоанн Вениаминов), едущий с Камчатки на московскую кафедру, и новый епископ Камчатский Вениамин (Благонравов), следующий из Иркутска на Дальний Восток. Именно ему жители Сретенска и поднесли старинную чудотворную икону. Доказательством этому может служить коллективное обращение к архиепископу Иркутскому Парфению (Попову) с просьбой о «разрешении на поднесение иконы», подписанное священником Сретенской церкви Симеоном Стуковым совместно с командующим сретенской бригадой командиром Борисоглебским и батальонным командиром Данилевским, поддержанное старшинами и старшими казаками Забайкальского войска. Икону Знамени Божьей Матери Албазинскую рассчитывали подарить епископу Вениамину (Благонравову) «в знак всеобщего к нему уважения» как усердному «распространителю православия между забайкальскими язычниками». По искреннему убеждению жителей, было бы правильным возратить святую икону «в ту местность, откуда угнетение язычников заставило ее более ста лет находиться под защитой здешнего православного прихода Сретенской церкви». На их просьбу преосвященный Парфений (Попов), архиепископ Иркутский и Нерчинский, не замедлил ответить. В своем письме от 28 апреля 1868 г. он писал: «Послать на имя священно-церковнослужителей села Сретенского дозволение поднести икону Преосвященному Камчатскому» [3, с. 4].

Поясним, что преосвященный Вениамин (Благонравов) в течение шести лет был епископом Селенгинским, викарием Иркутской епархии, но 18 марта 1868 г. указом Его Императорского Величества, самодержца Всероссийского по рекомендации Священного правительствующего синода утверждается епи-

скопом Камчатским. Следовательно, назначение Вениамина состоялось не в 1860 г., а в марте 1868 г., и до указанного года чудотворная икона еще находилась в Сретенском приходе.

Небезынтересно проследить ход событий после получения известия о рекомендации Вениамина (Благонравова) на камчатскую кафедру. Уже через два дня после его утверждения епископом Камчатским жители Иркутска стали свидетелями памятного действия. В праздник Входа в Иерусалим Господа нашего Иисуса Христа в Иркутской кладбищенской Входаиерусалимской церкви совершили совместное «служение литургии» три иерарха православного духовенства, властью случая встретившихся на иркутской земле: митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов), архиепископ Иркутский Парфений (Попов) и епископ Камчатский Вениамин (Благонраков). До этого случая Иркутск посещал лишь митрополит Тобольский и Сибирский Фелофей (Лещинский), да и то в 1742 г. Немногим позднее, 31 марта на Святую Пасху, иерархи отслужили утреню и литургию в Иркутском кафедральном Богоявленском соборе, где читали Евангелие на «славянском, греческом, еврейском, немецком и русском языках». И как заметили прихожане, у всех высокопочитаемых священнослужителей «были видны ордена Св. Владимира всех его степеней»: орден 4-й степени был на протоиерее Гаврииле Вениаминове, прибывшем из Благовещенска с высокопреосвященным, орден 3-й степени был на епископе Камчатском Вениамине, 2-й степени – на архиепископе Иркутском и Нерчинском Парфении и 1-й степени – на митрополите Московском Иннокентии [3, с. 4].

По окончании пасхальной недели митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) в сопровождении своего сына протоиерея Гавриила Вениаминова и восьмилетнего внука Евсевия продолжил свой путь в Москву и уже 25 апреля был в Красноярске, а утром 28 числа, прибыв в город Ачинск, «прослушал раннюю литургию» и, не задерживаясь, отправился дальше. Митрополит-старец, некогда протоиерей Ситхинского Михайло-Архангельского собора, при пострижении в монашество принявший имя Иннокентий, получил назначение на московскую кафедру и вызов синодального обер-прокурора с «повелением присутствовать» на заседании Святейшего синода и теперь торопился в столицу. Данный факт убедительно свидетельствует, что митрополит Иннокентий (Вениаминов) не мог привезти икону Албазинской Богоматери в Благовещенск в указанный год. Он спешил к месту своего нового назначения, следуя в противоположную сторону от Благовещенска. И 28 апреля, в день получения жителями Сретенска высочайшего согласия на подношение чудотворной иконы, митрополит благополучно миновал Ачинск, а утром 26 мая торжественно вступил на московскую кафедру. Митрополит Иннокентий (Вениаминов) долго ждал этого часа, когда «за собственноручным его Императорского Величества подписанием» он получит всемилоостивейшее повеление «синодальному члену, архиепископу Камчатскому Иннокентию быть митрополитом Московским и Коломенским Свято-Троицкой Сергиевой лавры священно-архимандритом» [3]. Этот указ был оглашен синодальным обер-прокурором 5 января 1868 г., а уже 21 февраля в 9 часов вечера высоко-

преосвященнейший прибыл в Сретенск и утром следующего дня выехал в город Нерчинск, чтобы к началу весны быть в Иркутске. Таким образом, широко почитаемый ныне святитель Иннокентий (Вениаминов) был в Сретенске проездом зимой 1868 г., по пути следования в Москву.

Что же касается преосвященного Парфения (Попова), архиепископа Иркутского и Нерчинского, то 31 марта он был награжден «императорским орденом Святого Благоверного Великого князя Александра Невского» за «ревностное служение церкви, благоразумное управление, снискавшее общее уважение паствы, и неусыпную заботу о распространении света истинной веры между язычниками» [3]. Задержавшись в городе по случаю награждения, преосвященный Парфений (Попов) выехал из Иркутска за Байкал лишь 14 мая, а Вениамин (Благодравов), настоятель Забайкальской духовной миссии и Посольского Спасо-Преображенского монастыря, епископ Селенгинский, викарий Иркутской епархии, отбыл из Посольска на кафедру Камчатской епархии 18 мая. При чем Парфений (Попов) преследовал цель лично обзреть церкви незнакомой ему епархии и освятить новые, а Вениамин (Благодравов) начал свое далекое «путиследование в вверенную ему» Камчатскую епархию в город Благовещенск на Амуре.

К встрече именитого гостя в бывшем приграничном остроге Сретенском готовились тщательно. Общими усилиями украшали храм с чудотворной иконой Албазинской Богородицы. Командующий 3-й пешей бригадой, войсковой старшина Александр Иванович Бориславский пожертвовал в Сретенскую церковь на иконостас 412 руб. Капитан-лейтенант Разградский пожертвовал от себя лично «4 большие подсвечника накладного серебра, лампадку и Евангелия», всего на 150 руб. Немногим ранее торгующий верхнеудинский мещанин Мефодий Яковлевич Мордовский передал в эту церковь дорогие вещи на общую сумму 138 руб. 46 коп., такие как: «хоругви на алом сукне, Евангелие в лист, обложенное голубым бархатом, с серебряною чеканною доскою во сто золотников 84 пробы, и воздухи бархатные» [3]. В начале июня в Сретенске состоялась долгожданная встреча и торжественная передача драгоценного дара – иконы Албазинской Богородицы ново назначенному архипастырю Камчатки. Этот день стал знаменателен и другим событием – спустя 200 лет вновь встретились две чудотворные иконы доблестного Албазина – «Слово плоть бысть» и «Нерукотворный Спас», которые с миссией епископа Вениамина (Благодравова) в 1868 г. вернулись на свою историческую родину. Так, из документа о прибытии новоизбранного архипастыря 22 июня 1868 г. в станицу Албазинскую на пароходе «Ингода» узнаем, что епископ Камчатский Вениамин (Благодравов) «привез с собою Образ Нерукотворного Спаса» – одну из немногих икон, которые были вынесены из древнего Албазинского острога во время его разрушения «богдойскими людьми». По прибытии в Албазин епископ Вениамин (Благодравов) незамедлительно отслужил молебен в Албазинской Троицкой церкви, после чего «преосвященный приложился в последний раз к Образу Нерукотворного Спаса и, осенив благословением народ, вышел из храма» [3]. Согласно утверждению местного священника Иннокентия Литвинцева, эта икона была оставлена епископом как своего рода благословение

всего албазинского прихода. Сам же иерарх продолжил свой путь дальше в Благовещенск. О том, что преосвященный Вениамин (Благодравов) 29 июня был уже в Благовещенске и вступил в должность, подарив городу святую реликвию Албазина, следует из его письма к иеромонаху Вениамину, назначенному управлять Посольским монастырем и Забайкальской духовной миссией после его отъезда, с приложением пожертвований в пользу прежней своей миссии, составившем 270 руб.

Обобщая материал вышеприведенных исторических документов, видно, что икона Албазинской Богородицы была перевезена из Сретенска в Благовещенск на Амуре именно епископом Камчатским Вениамином (Благодравовым) в июне 1868 г. и помещена им в городском кафедральном соборе во имя Благовещения Божьей Матери. Вместе с ней епископ вернул на историческую родину и другую святыню Албазина – Образ Нерукотворного Спаса. Однако после столь щедрых подарков Приамурью в Нерчинске оставалась еще одна чудотворная икона – Казанской Божьей Матери, принесенная казачьим отрядом из Албазина, после разрушения острога, согласно достигнутой договоренности на русско-китайских переговорах 1689 г. [5]. До революции она бережно хранилась в Нерчинском Воскресенском соборе и ежегодно 21 мая почиталась как сибирское чудо.

В этот же день, 21 мая, по установившейся традиции совершался ежегодный крестный ход с другим чудом Даурии – храмовой иконой Нерчинской Успенской церкви упраздненного монастыря – Успение Пресвятой Богородицы. Особо чтимую в народе икону из монастыря, учрежденного служилым казачеством, несли крестным ходом 9 верст из села Монастырского в город Нерчинск, где с ней обходили дома местных жителей, а затем выставляли в каменном кафедральном соборе рядом с иконой Казанской Божьей Матери. В присутствии двух чудотворных икон – легендарных казачьих святынь, совершалась Божественная литургия с участием всего городского духовенства, звучал хор, состоящий из певчих Нерчинского духовного училища. В эти дни в Воскресенском соборе было особенно много молящихся. В начале июня икону Успения Пресвятой Богородицы возвращали обратно в Успенскую церковь и водружали на прежнее место в храмовом иконостасе.

Но вернемся к албазинской иконе. Интересен и новый период в судьбе иконы Албазинской Богородицы. Его связывают с активной деятельностью молодого епископа Камчатского Гурия, который учредил в 1885 г. общепархиальный праздник с проведением литургий и молебнов. При нем с иконы как религиозно-идеологического символа российского присутствия на Дальнем Востоке делались многочисленные копии. Наиболее известный список образа Албазинской Богородицы хранится во Владивостоке, подаренный в 1888 г. епископом Гурием «обществу изучения Амурского края» [3]. Вместе с тем никто из исследователей не заинтересовался автором данной копии. Работая с документами, автору статьи удалось установить, что икона с живописным образом Богородицы написана талантливым забайкальским художником-самоучкой Прокопием Николаевичем Рязанцевым, который выполнил ее лично для преосвященного Гурия. Заслуживает внимания и тот факт, что в

1891 г., во время посещения цесаревичем Николаем Благовещенска, П. И. Рязанцев подарил именованному гостю свою картину «Езда гиляков на собаках», за которую был высочайше пожалован серебряными часами. Информация об этом имеется в архиве Эрмитажа. Одновременно с картиной художника был преподнесен и список с иконы Албазинской Божьей Матери от Камчатской епархии. Очевидно, что автором данной копии также являлся П. Н. Рязанцев.

Образ Албазинской Богоматери широко почитается не только в Приамурье и на Дальнем Востоке, но и в Забайкалье. Неслучайно при открытии Читинской и Забайкальской епархии в 1994 г. ей был в дар преподнесен список с этой иконы в золоченом окладе. Потому что в сознании любого забайкальца и дальневосточника он ассоциируется с героизмом первых казаков-землепроходцев, с их сверхчеловеческими усилиями по присоединению богатых земель, над которыми до сих пор распростерт незримый покров Небесной Защитницы. В современных условиях стремительного сокращения населения данных территорий, его вырождения и деградации, усугубляемого ростом безработицы как следствия целенаправленного уничтожения промышленных предприятий и разрушения хозяйственно-экономической инфраструктуры региона, людям, оставшимся верным своей Земле, ничего не остается, как вновь обратиться за защитой к Святым Покровителям Земли Даурской.

Список литературы

1. *Артемьев А. П.* Керамика Албазинского острога / А. П. Артемьев, Н. Г. Артемьева // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (ист.-археол. исслед.). Т. 1. – Владивосток : ДВО РАН, 1992. – С. 165–170.
2. *Бушуева Е. С.* Албазинская икона Божьей Матери – казачья святыня / Е. С. Бушуева // Православ. Забайкалье. – 2011. – № 7(306). – 25 марта. – С. 7.
3. Иркутские епархиальные ведомости. – Иркутск : Тип. окруж. штаба. – 1897. – № 5. – 40 с.
4. *Шахеров В. П.* Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. / В. П. Шахеров. – Иркутск : Оттиск, 2000. – 88 с.
5. *Яковлев П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 г. / П. Т. Яковлев. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 235 с.

Miracle-Working Images of Dauria of the XVII – Beginning of the XVIII Centuries (the History of Nerchinsk Assumption Church)

E. S. Bushueva

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

Abstract. The paper coincides with the remarkable date – the 365th anniversary of Albazin Ostrog. To retain and develop new lands the settlers sought spiritual support from the ancient wonder-working icons, connected with heroic glory of the first defenders of Albazin. A galaxy of Cossack's shrines of the XVII–XVIII centuries in Dauria includes Icon of Albazin Mother of God and the Holy Savior's Image from the Monastery of our Survivor, Icon

of Kazan Mother of God. The Icon of the Dormition of Mother of God from Nerchinsk Monastery of the Holy Dormition has a special place. All these icons are associated with religious and ideological symbol of the Russian presence in the territory of ancient Dauria – Transbaikalia and the Amur region. The understudied period in the history of the icon Albazin Mother of God when it was kept in Sretensk Monastery for about 330 years is considered.

Keywords: miracle-working icons of the ancient Dauria, Siberian shrines, Cossacks-pathfinders, the monk Hermogenes, the eminent Parthenius (Popov), Archbishop of Irkutsk and Nerchinsk; the eminent Benjamin (Blagonravov), Bishop of Kamchatka; Innocent (Veniaminov), Metropolitan Bishop of Moscow and Kolomna.

Бушуева Елена Сергеевна

старший преподаватель

*Иркутский национальный исследова-
тельский технический университет*

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

тел.: 8(3952)40-54-83

e-mail: ale-2002@yandex.ru

Bushueva Elena Sergeevna

Senior Teacher

*Irkutsk National Research Technical
University*

83, Lermontov st., Irkutsk, 664074

tel.: 8(3952)40-54-83

e-mail: ale-2002@yandex.ru